

A photograph of a winter forest. The trees are heavily laden with snow, and their branches are intricate and dark against the lighter sky. In the foreground, a wooden fence or railing is also covered in snow, creating a sense of depth and enclosure. The overall atmosphere is quiet and serene.

Наша зима. Проза

*Издание группы
авторов под редакцией
Сергея Ходосевича*

Сергей Ходосевич

**Наша зима. Проза. Издание
группы авторов под
редакцией Сергея Ходосевича**

«Издательские решения»

Ходосевич С.

Наша зима. Проза. Издание группы авторов под редакцией Сергея Ходосевича / С. Ходосевич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938380-8

Святочные страшилки, веселые истории, необычная фантастика и фэнтези, а также приключения. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-44-938380-8

© Ходосевич С.
© Издательские решения

Содержание

Короткая проза	6
Марат Валеев	7
Игра в снежки	8
Изюминка	10
Зимние забавы	12
Предьява	14
Утро в гареме	16
Как я был Дедом Морозом	19
У всех дети как дети...	21
Бешбармак	23
Ах, какой мужчина!	25
Вундеркинд	27
Интервью с долгожителем	28
Мать-Моржиха	30
Бабушки и дедушки	32
Берегите мужчин	34
Семечки	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Наша зима. Проза
Издание группы авторов под
редакцией Сергея Ходосевича

Редактор Сергей Ходосевич

ISBN 978-5-4493-8380-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Короткая проза

Марат Валеев

Игра в снежки

Коренной москвич студент Гарик Карапетян декабрьским вечерком вышел из подъезда дома своей однокурсницы Наденьки Рыжовой. Они только что закончили подготовку к очередной экзаменационной сессии и потому у Гарика было хорошее настроение. Под стать была и погода: мягкая, чуть-чуть морозная. Крупными хлопьями валил снег, мягким ватным одеялом покрывая дома, улицы, деревья, смоляные кудри Гарика.

– И-эх, как хорошо-то! – закричал Гарик, слепил снежок и метнул его наудачу.

Снежок попал в лобовое стекло одной из стоящих у подъезда крутых иномарок. Иностранка взревела дурным голосом. Тут же распахнулось окно на втором этаже и какой-то мужик не менее дурным голосом прокричал:

– Э, ты, а ну отойди от моей тачки! Или сейчас выйду – мало не покажется!

– Да не трогал я вашей машины! – обиженно ответил Гарик.

Но хорошее настроение у него не пропало, и вторым снежком он залепил точно в распахнутое окно автовладельца. Тот выругался и исчез в глубине квартиры.

Гарик захохотал и побежал прочь. Позитив все еще не оставлял студента. Он на ходу еще раз зачерпнул снежок и легонько бросил его в спину торопливо семенящей впереди него женщины.

– Караул, грабят, убивают! – пискнула та и припустила бегом по тротуару. Но поскользнулась и упала.

Гарик, все еще улыбаясь, подошел к ней, протянул руку.

– Уйди, маньяк! – завизжала тетенька, прижимая к груди сумочку.

– Да я же помочь вам хотел, – сконфуженно пролепетал Гарик. – Ну, не хотите – как хотите.

И опечаленно пошел прочь. А крупные хлопья снега, кружась, все падали и падали вниз, как будто с неба на землю вдруг устремились мириады белых бабочек. Гарик подумал о своей однокурснице Наденьке, с которой они сегодня столько трудились, готовясь к сессии, и у него потеплело в груди.

Он снова слепил снежок и просто высоко подбросил его вверх. Снежок, описав крутую дугу, упал точно на бритую голову вразвалку шедшего перед Гариком рослого парня.

– Быкуешь, пацан? – бритый угрожающе выставил перед собой сжатые кулаки и косолапо пошел на Гарика. – Э, да ты еще и нерусский? А ну стой!

Гарик тут же нырнул в подвернувшийся двор. Запыхавшись, встал за покрытое снежной шапкой дерево, выглянул. Бритого не было. Гарик вздохнул с облегчением.

И тут ему в спину мягко ударил снежок и послышался залиvistый детский смех. Гарик вздрогнул и обернулся. В пяти шагах стояла тепло одетая хорошенькая девчушка лет семи-восьми и лепила новый снежок.

– Какой ты смешной! – весело сказала она. – Давай в снежки поиграем, а?

– Девочка, тебя разве не учили, что нельзя общаться с незнакомыми мужчинами? – разудыбался Гарик. – А вдруг я нехороший?

– Да какой ты нехороший! – снова засмеялась девочка. – Ты смешной. Да и не боюсь я тебя. Со мной охрана. Ну, теперь твоя очередь. Брось в меня снежок!

И только тут Гарик заметил, что за соседним деревом стоит, весь покрытый снегом, как большой сугроб, верзила.

– Бросай снежок, парень, бросай! – поощрительно прогудел сугроб. – Но смотри мне!

И он сунул руку во внутренний карман.

– А можно, я домой пойду, а? – жалобно сказал Гарик. – У меня бабушка больная.

– Ладно уж, иди! – милостиво разрешила девочка. – А это тебе на дорожку!

И увесистый снежок угодил Гарику точно в лоб.
– Контрольный! – довольно крикнул охранник. – Молоток, Юленька. А ты иди, мужик,
иди! Пока мы не передумали...

Изюминка

Весной прошлого года это было. Мартовским утром я стоял в очереди в регистратуре Красноярского Спид-Центра, чтобы сдать кровь на анализы – не подумайте плохого, просто собирался на плановую госпитализацию, а без этого анализа, понятное дело, больница не примет.

Окошечко было еще закрыто, и я, выбравшись из очереди, присел на лавку у стены. И тут мой взгляд зацепился за молодую женщину, стоявшую до этого впереди меня. Там, в очереди, я мог видеть только ее узкую спину с рассыпанными по плечам роскошными рыжими, почти красными волосами.

А тут, немного со стороны, появилась возможность рассмотреть ее получше. Правильно, начал я с ног, обтянутых колготками телесного цвета. И хотя ноги эти были открыты только до колен, выше их скрывало пальто, я от этих ног уже не мог оторвать глаз. Вернее, от щиколоток.

Боюсь, у меня не хватит слов, чтобы описать их красоту. Они были тонкие – не худые, а именно тонкие и изящные, плавно переходящие опять же в изящные округлые икры. Полы длинного пальто не могли скрыть стройности этих ножек.

Обладательница их время от времени как-то по особенному отставляла в сторону то одну, то другую ножку в красивых ботильонах (вот не люблю этого слова, но это были именно они, ботильоны). И столько женственности и сексуальности было в этой отставленной ножке!..

Но, блин, лучше бы она не оборачивалась, и я бы унес с собой созданный в моем воображении образ пленительной молодой женщины.

Однако она обернулась. И оказалась простушкой, с размалеванными глазами, мелкий калибр которых не могла скрыть никакая краска, с толстоватым носом и большегубым ртом, опять же искусно, посредством помады, визуальным уменьшенным в размере.

Мда, не красавица... Но, с другой стороны, друзья мои, много ли вообще на свете таких женщин, в которых бы все сочеталось самым наилучшим образом: и лицо, и фигура, и манеры, и этот, как его, ум? Таких, если честно, единицы. И я не открою большого секрета, если скажу, что женщину мы вообще-то можем любить и за отдельные ее красивые части, наиболее пришедшиеся нам по вкусу.

Вот когда мне было десять лет, я влюбился в одноклассницу за то, что однажды увидел ее на морозе синей, и этот цвет ее, к тому же еще и хорошенького, личика, так сочетался с ее сизовой меховой шубкой, что я на долгие годы, вплоть до окончания сельской восьмилетки, был в нее безответно влюблен. Впрочем, она о моих чувствах, я так думаю, и не догадывалась.

А уже став взрослым, перед армией влюбился в девчонку, в которой меня покорила ее... носик! Такой аккуратный, точеный, ну – просто само совершенство среди женских носиков. И я любил целовать его. Ну да, и губы тоже. До всего остального добраться, увы, не успел – до меня раньше добрался военкомат.

Еще одна девушка, это когда я уже вернулся из армии, сводила меня с ума своей шеей – длинной, белой, с пульсирующей под почти прозрачной кожей синеватой жилкой. И для меня эта часть ее тела была самой привлекательной. Не отказывался я, конечно, и от остальных, но вот эта почти лебединая шейка вводила меня в экстаз и, сколько бы ее хозяйка шаловливо, а порой и сердито, не шлепала меня по губам, я так и не научился не оставлять на ней засосы.

Или вот, мой знакомый, Виктор, тот ходил с ума, если встречал особей с зелеными глазами. Он прямо трясся от вожделения и был готов идти за зеленоглазой женщиной на край света. И ведь встретила ему такая – Наташа, с глазами цвета малахита.

Правда, замужняя уже, с ребенком. Но Виктор это не остановило, он увел зеленоглазую Наталью из семьи и увез ее хоть и не на край света, но, считайте, на край России, в Ставрополье.

И они жили там счастливо, но правда – недолго, потому что у Виктора эту Наташу сумел отбить другой любитель зеленых глаз.

Впрочем, пора уже возвращаться ко мне. Мне вот повезло: женился на женщине, которая ну само совершенство (чего уж там скромничать!). Но больше всего мне нравится ее профиль. Он и сегодня у Светки остается очень милым и женственным, и я люблю вглядываться в него и думать: «До чего же хорошо, что я тебя когда-то встретил!»...

А то, что я иногда обращаю внимание и на других женщин, вовсе не означает, что я готов променять свою жену на кого-то другого. Ведь и на нее тоже кто-то смотрит. И пусть смотрит. Нельзя не любоваться красотой и совершенством женщины. Пусть они при этом не все красавицы. Но в каждой есть своя изюминка, заставляющая мужиков идти с ними хоть на край света...

Зимние забавы

Зимние каникулы! Их мы ждали с не меньшим нетерпением, чем летние. Ведь зимних забав в деревне хоть отбавляй – тут тебе и катание на коньках на замерзшем льду озера Долгое, и подледная рыбалка, и поход на лыжах через Иртыш, и катание на санках с крутого старого иртышского берега – спуска к огородам.

Но поскольку зимой день короток, а после школы надо и родителям по хозяйству помочь, и хоть часть уроков сделать, на эти забавы времени абсолютно не оставалось. Глядь в заиндевелое окно – а там уже багровый (к морозу) вечерний закат и быстро надвигающиеся ночные сумерки с яркими слабо мерцающими звездами в темном безоблачном небе. Так что на зимние игры оставалось разве что воскресенье.

А в каникулы – это ж две недели свободы! В 60-е мое родное село Пятерыжск было особенно населено и детей в нем было много, так что в зимние каникулы на льду пойменных озер, на крутой укатанной береговой горке просто звон стоял от счастливых криков и смеха ребятишек.

Коньков настоящих тогда почти ни у кого не было, к валенкам туго приматывались деревянные бруски с прилаженными к ним проволочными полозками, вот на них-то мы и рассекали со скрежетом по льду, гоняя самодельными же деревянными клюшками шайбы (а вот шайба, помню, почти всегда была настоящей – где-то доставали).

Но больше всего детей – и мальчишек, и девчонок, – суеилось на горке, спуске к огородам под иртышским берегом. Этот взвоз (как раз напротив дома Копейкиных Дяди Тимоши и тети Физы) был самым крутым – как помнится, с уклоном градусов в 30—40, – из всех имеющих в деревне, и длиной в несколько десятков метров.

Он предназначался преимущественно для пешего спуска сельчан, как я уже говорил, к расположенным под берегом на черноземной луговине огородам, для выгона гусей и уток, телят на луговые пастбища летом и поения коров из бьющего внизу из песчаного обрыва большого ручья зимой.

На чем только мы не съезжали с этой горки, с радостным визгом от захватывающей скорости, от бьющего в лицо встречного ледяного ветра! Лучше всего, конечно, было скатываться на заводских санках – с алюминиевыми полозьями, с решетчатой крашеной седушкой!

Такие санки и скользили хорошо, и обратно вверх их затаскивать было легко (за день-то удавалось съезжать до десяти и больше раз, дождавшись своей очереди – да-да, именно очереди, потому как здесь действовал самый настоящий, постоянно движущийся конвейер из двух-трех десятков ребятишек: пока одни, плюхнувшись животом на санки или солидно усевшись на них, нередко – по двое, скатывались вниз, другие вереницей карабкались обочью спуска вверх, таща на веревочных, ременных или проволочных поводках санки.

У кого не было санок – те лихо скатывались вниз в корытах или тазиках, часто – вываливаясь из них и с хохотом кувыряясь по накатанной колее. Катались также, стоя на самодельных самокатах из толстого, специального выгнутого в кузнице прутového железа.

Несколько раз видел, как взрослые парни (восьмиклассники для нас, учеников третьих-четвертых классов, казались уже взрослыми – они были выпускниками) толпой, с гоголом скатывались вниз на самых настоящих конных розвальнях, с торчащими вверх специально подвезанными оглоблями!

Но верхом совершенства и предметом всеобщей зависти нам всем тогда казались санки, сотворенные с немецкой основательностью и добротностью дядей Адольфом Ляйрихом для своих сыновей Сашки и Вовки! Основой их было то же прутовое железо, овально выгнутое таким образом, что низ их служил полозьями, а верх – рамой, на котором намертво было прикреплена, толстая и достаточно широкая и длинная, гладко обструганная плаха-сиденье.

На этих санях, не мелко дребезжащих на ходу, как разбитые алюминиевые, а солидно покрякивающих и плавно покачивающихся на стремительном ходу, сразу могли уехать вниз несколько человек! Причем, быстрее и куда дальше, чем на обычных санках.

И желающих прокатиться на ляйриховских санках, конечно, было хоть отбавляй! Надо сказать, что Сашка с Вовкой не жадничали и давали попользоваться своими санками хоть раз в день всем желающим.

Там, внизу, из снежных блоков был сооружен самодельный трамплин, предназначенный для лыжников-старшеклассников. Но иногда на него наезжали и безрассудные саночники, что заканчивалось обычно разбитыми носами и сломанными санками. Потому трамплин этот мы все же избегали.

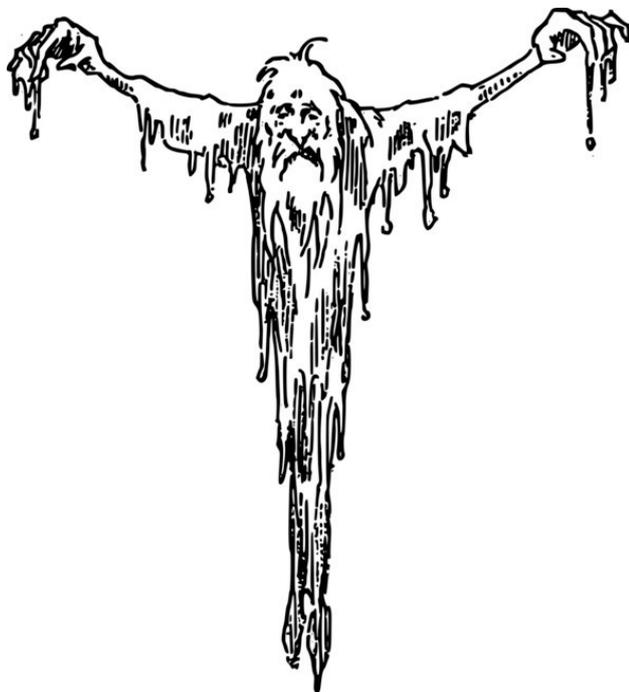
Но однажды один из братьев Ляйрихов, то ли Сашка, то ли Вовка, один наехал на стремительно мчавшихся санях на это возвышение. И воспарил! Он, слившийся с седушкой, пролетел метров, наверное, с десять и с глухим стуком обрушился на веерно раскатанный многими санками и лыжами скат за трамплином и еще по инерции проехал по нему пару десятков метров.

Мы думали – отбил все себе к чертовой матери, надо идти поднимать его и нести домой. Но Сашка (или Вовка?) сам сполз с санок и, взяв их за ременный поводок, слегка прихрамывая, потащил к подъему в горку. К нему уже сбегал брат, и скоро они оба были вверху. И Вовка (или Сашка?!) возбужденно рассказывал:

– Лечу я, и вижу: дядя Тапень внизу подо мной! Корову гонит от ручья и мне прутом грозит: «Я те полетаю!»

Мы не видели ни дяди Тапеня (был у нас такой в деревне мужичок-казах с таким вот странным именем и не менее странной для казаха профессией – свинопас), ни его коровы. Но видели, как высоко летел на своих знаменитых санках один из братьев Ляйрихов. И мало ли что там могло быть, внизу?..

Эх, зимние школьные каникулы! Много бы я отдал, чтобы хоть еще раз ощутить на себе их непередаваемое очарование...

Предъява

- Так, это кто кинул?
- Извините, это я.
- Ты что, ботаник, предъяву мне делаешь?
- Простите, не понял?
- Ну, в смысле, стрелку мне забить хочешь?
- Как это?
- Ты что, русского языка не понимаешь?
- Почему же? Я, в некотором роде, филолог.
- Так вот, философ, ты что, рамсы попутал.
- Чего я, извините, напутал?
- Нет, ты только погляди на него! Шлангом прикинулся!
- Боюсь повторно вызвать ваше раздражение, но я не...
- Так, заткнись, профессор! В последний раз спрашиваю! Возможно, на понятном тебе языке. С какой целью ты кинул в меня этот слепленный тобой комок снега, а?
- Ну, просто настроение у меня хорошее! Смотрю, идет молодой интеллигентный человек с хорошим, открытым лицом...
- Ага, понятно! Расслабуху я, говоришь, допустил, открылся. Ну, дальше трактуй свой безрассудный поступок.
- Ну, я слепил снежок и кинул в вас. Просто так. Извините, если вам не понравилось.
- Значит, ты ничего ко мне не имеешь?
- Ничего, кроме первоначальной симпатии. Хотя от нее, кажется, уже ничего...
- И никто тебя ко мне не подсылал?
- Да нет. Я сам. Смотрю, идет молодой симпатичный человек...
- А, так ты голубой?
- Простите? А, вы в этом смысле... Нет, что вы, я женщин люблю.
- Хм! Что-то я тогда никак не влюблюсь... Впрочем, некогда мне тут с тобой.
- Ну, тогда я пошел?
- Куда это ты пошел? Ты понимаешь, что на твое действие я просто обязан ответить противодействием? Иначе это будет не по-пацански!
- Понимаю... Наверное. Хотя не совсем.
- Щас поймешь, ботаник несчастный! Становись вот к этой стенке.
- Вот сюда? Хорошо. Можно, я очки сниму?
- Ладно, снимай. И не шевелись, пока я не прицелюсь! Во, сходу попал! Не больно?
- Да нет! Снежок вы слепили не очень твердый.
- Ну, тогда мы с тобой, значит, разошлись краями. Бывай, ботаник!

Утро в гареме

– Хабиба!

– Я, мой господин!

– Фатима!

– Да, мой повелитель!

– Зухра!

– Я здесь, свет моих очей!

– Гульчатай!

...

– Гульчатай!!

...

– Гульчатай, зараза!!!

– Ее нет, о муж наш! Но скоро будет.

– А что вы такие все надутые? Как неродные прямо! Говори, моя старшая жена Хабиба! Нет, сначала вели принести мне щербета*. Только холоденького!.. Ах, хорошо! Рахмат* тебе, Фатима! Ну, так что ты хотела мне сказать, Хабиба?

– Ты, наверное, забыл, мой повелитель. Но вчера, когда ты приполз из дукана*, куда ты уходил попить кофе, ты был как тюфяк*, прости меня, Господи!

– Да как ты смеешь!

– Хабиба правду говорит, о наш общий супруг!

– А тебя, Зухра, никто не спрашивает! Ладно, продолжай, старшая жена! И прошу тебя, поаккуратнее с выражениями. Какой пример ты подаешь своим младшим коллегам?

– Якши, мой господин! Скажем так – ты был не в своей пиале*. И сообщил нам, что хочешь поменять нас на другой гарем!

– Так, что-то припоминаю... Ну-ка, Зухра, дай-ка я еще отхлебну щербета... Фу ты, уже теплый! А покрепче у нас там ничего нет?

– В нашем сарае* сейчас ничего крепче зеленого чая нет. Ты вчера все выпил, о пьянейший муж наш! Даже двухнедельный прокисший кумыс! Алкач*!

– Нет, это никуда не годится! Ты наказана, Хабиба – три месяца без этого, как его... без интима!

– Четыре.

– Что – четыре?

– Уже четыре луны*, как того, о чем ты говоришь, не было с тобой не только у меня, но и у остальных жен!

– Да? Странно, а с кем же это я вчера... Ну ладно, не будем об этом.

– Нет, почему же, о неверный наш муж! Мы все хотим услышать, на кого ты нас хочешь поменять!

– Все? А где Гульчатай? У вас нет кворума, о несчастные женоподобные созданыя!

– Гульчатай сейчас придет.

– А где она?

– Да за бузой* она ушла, в дукан! Ты еще с вечера ей наказал, как самой любимой жене.

– Ну, это другое дело. Ладно, Зухра, продолжай.

– Так на кого ты там польстился? На гарем кривого Махмуда? Или на жен Абдурахмана?

А может быть, супруги Рашида тебя сбили с толку?

– Да что вы, о занозы сердца моего! Мне и вас за глаза хватает! Вы, наверное, вчера меня просто не так поняли! Я, наверное, про это... про гараж говорил, вот! Старый у меня гараж, да и тесный. Надо бы на десять машин, а мой вмещает всего пять. Вот надо бы его поменять

на более просторный. А вам, о ревнивицы мои, слышалось, что я говорю про какой-то другой гарем, тогда как я говорил про гараж, хе-хе!

– Поклянись!

– Да чтобы мне еще раз жениться! Да чтобы все мои любимые тещи разом приехали в гости! Да чтобы в нашем дуكانе закончилась буза! Да чтобы...

– Ладно тебе, господинка наш, ладно, верим. Но в последний раз, слышишь? А то мы сами скажем тебе хором: талак!* И это уже ни с каким гаражом не спутаешь!

– Да слышу, слышу! Но где же мой утренний бальзам? Где шляется эта несносная Гульчатай? Гульчатай!! Гульчатай, зараза!!!

Примечания:

Гарем – коллектив из нескольких жен

Щербет – безалкогольный восточный напиток

Рахмат – типа «спасибо»

Дукан – восточная забегаловка

Тюфяк – бесформенный матрац

Сарай – по-ихнему дворец

Алкач – международное определение пьющего человека

Луна – не то, что вы подумали. Это календарный месяц

Пиала – чашка такая. Сойдет и за тарелку

Буза – слабый алкогольный напиток, которым можно неслабо надраться

Талак – мечта всякого не восточного женатика. Арабу, например, достаточно трижды прокричать «Талак!», и он в разводе.

Как я был Дедом Морозом

В седьмом классе (школа наша была восьмилетней) меня назначили Дедом Морозом. Моей задачей было дождаться, пока меня позовет Снегурочка, и награждать сладостями тех, кто прочитает Деду Морозу стихи или споет песенку.

– С конфетами поаккуратнее, – предупредила меня классная руководительница Татьяна Ивановна. – Ну, иди, иди, не мешай нам Снегурочку наряжать. Я потом подойду.

Я еще не успел удалиться от учительской, как откуда-то вынырнул Ленька Скосырев, известный оболтус и хулиган. Он показал мне кулак, затем левой рукой схватился за посох – чтобы я не смог его огреть, а правой залез в корзину и выгреб оттуда приличную горсть сладостей раз, потом еще раз. Единственное, что я успел – так это пнуть его вдогонку. Но я был в валенках. А они, как известно, почти мягкие. Так что Ленька в ответ только загоготал и пошел себе, шурша на ходу фантиками.

Я заглянул в корзину – там еще было, и грустно зашаркал валенками дальше.

– Дед Мороз, а куда это ты без меня? – услышал я за спиной мелодичный голосок, оглянулся и обомлел – меня нагоняла, постукивая каблучками, ослепительная Снегурочка.

В ней я узнал восьмиклассницу, красавицу Любочку Анискину.

– Так это ты будешь Снегурочкой? – пролепетал я, краснея от макушки до валенок.

– А ты бы кого хотел? – жеманно пропела Снегурочка и потрепала меня за бороду. – Ну, ладно, дедуля, дай-ка мне немного конфет и жди, когда я тебя позову из класса.

– Конечно, конечно! – заторопился я, и отвалил объекту своих тайных воздыханий столько конфет, сколько мог захватить. И проводил Снегурочку влюбленным взглядом.

– Слышь, Дед Мороз, ты когда отдашь мне спиннинг, а?

Опять этот Вовка!

– Вот летом заработаю на сенокосе, куплю и отдам, – пробурчал я. – Но учти, сначала я его поломаю, как и ты мне дал сломанный...

– Значит, не хочешь отдавать? А если я своему старшему брату пожалуюсь, и он тебе самому чего-нибудь сломает, а?

– Ладно, ладно, – примирительно сказал я Вовке. – Чего ты хочешь?

Вовка не сводил своих алчных глаз с моей сильно полегчавшей корзины.

– На, жри! – обреченно сказал я, вылавливая остатки конфет и пряников.

А от елки уже кричали хором, и звонче всех был голос Снегурочки:

– Дед Моррро-о-з, ты где-е? Иди к нааааам!

Я затосковал: идти к ним было не с чем. На дне корзины сиротливо валялись две карамельки. И тут меня осенило: в учительской я видел ящики с новогодними подарками. Был там, несомненно, и мой. Что ж, придется им пожертвовать на общее дело. И я, путаясь в полах длинной шубы, засеменял обратно к учительской.

– Ты чего, Дед Мороз? За мной, что ли? – удивилась Татьяна Ивановна.

– Нет, не за вами, – сказал я. – Можно, я заранее свой подарок заберу?

– А не сбежишь? – с подозрением посмотрела на меня Татьяна Ивановна.

– Да ну что вы? – укоризненно сказал я. – Вот прямо щас иду под елку.

– Ну, ладно, – сказала Татьяна Ивановна. – Все меньше потом раздавать.

И тут меня еще раз осенило.

– Татьяна Ивановна, – как можно проникновеннее сказал я. – Давайте я уж тогда сам, как Дед Мороз, вручу подарки в виде исключения и моим лучшим друзьям Леньке Скосыреву и Вовке Спирину! Им будет приятно.

– Дед Мороооооооз, ты гдееееееееееее! – надсадно орала школа и сердито топала ногами.

– Ладно, забирай и беги скорее к елке, – прислушавшись к этому реву, сказала Татьяна Ивановна.

И ведь этих подарков хватило всем старательным чтецам стихов, певцам песен и танцорам танцев! Даже всего двух пакетов... Правда, потом все зимние каникулы мне пришлось прятаться от Ленки Скосырева и Вовкиного брата, амбала Мишки-тракториста. Но это было ничто в сравнении с тем, какие были у моих обидчиков рожи, когда они пришли получать свои подарки, а их отправили к Деду Морозу!..

У всех дети как дети...

– У всех дети как дети! Один ты у меня... Торгаш несчастный! Вот кем стал Колька Бандурин?

– Ну, прокурором.

– А-а, то-то! А ведь вместе росли, можно сказать. За одной партой сидели.

– Я с ним не сидел! Со мной Олежка сидел.

– Да какая разница. Так кто он, Колька Бандурин, и кто ты, а?

– Мама, так Кольку Бандурина сняли недавно.

– Как это сняли? Прокуроров у нас не снимают!

– А вот его сняли! За некомпетентность и злоупотребление служебным положением.

И теперь он сам может сесть. Где-нибудь рядом с Олежкой.

– Как, Олежка сидит? Такой красавец, спортсмен, чемпион. За что же его?

– Связался с какой-то преступной бандой, долги они вышибали. И перестарался. Шесть лет дали ему.

– Ну ладно, Бандурин, Олежка – это просто какое-то глупое стечение обстоятельств.

А вот взять Витеньку Пожарского. Кто ты и кто он?

– Ну, артист он... С погорелого театра.

– Как этого погорелого? Не погорелого, а областного драматического!

– Прогорел театр. Уже полгода актерам зарплату не платит.

– Боже, какое время! Какое несчастье! Ну и где теперь Витенька?

– Не переживай за него, мама! Он все же, как-никак, мой одноклассник. Я его к себе пристроил.

– Куда, торгашом? В свою лавку? О, несчастная я, несчастная! За что только боролись твои деды и прадеды?

– Во-первых, маму, не в лавку, а в один из сети магазинов. Причем сразу заместителем директора. Может, будет с него какой толк. Во-вторых, мои деды и прадеды и боролись за то, чтобы всем было хорошо. А разве я виноват, что кому-то хорошо, а кому-то нет? Может, они сами виноваты, не той дорогой пошли?

– Ай, оставь, тебя не переспоришь, торгаш несчастный!.. Пстой, куда это мы едем?

– Уже не едем, а летим, мама!

– Ну, хорошо. Так куда мы летим?

– Так на Сейшелы же, мама!

– На Сейшелы? Не хочу! Мы там в позапрошлом году были.

– А куда же ты хочешь, мама?

– На Бали!

– Ну, на Бали, так на Бали! Поворачивай, Сергей Михайлович! Так, кто у нас там еще остался, мама?

Бешбармак

А побалую-ка я своих домочадцев и друзей сегодня, в Новый год бешбармаком! Тем более что готовится это блюдо очень просто.

Многие наверняка знают, что оно широко распространено в Казахстане и Башкортостане. Хотя им также не прочь полакомиться и мои соотечественники – татары. Поэтому и называется оно немного по-разному: бесбармак, бешбармак, бишбармак. Но суть всех названий едина – в переводе на русский сие кушанье означает «пять пальцев». То есть угощаться бешбармаком можно при помощи рук.

Но этот обычай уходит корнями в глубокое прошлое, когда и со столовыми приборами, и с водой для их мытья был напряг, особенно в среде степняков. Сегодня бешбармак едят вполне цивилизованно, с использованием ложек и вилок, кому как сподручней. Но для начала его надо всё же приготовить. Рецептов бешбармака на самом деле совсем немного. И готовить его, на мой взгляд, совсем просто.

Для этого нужно:

- жирная баранина на разрубленных костях (на человек 5—6 – килограмма два);
- обычное тесто (полкило муки, яйцо, вода);
- головки 3—4 лука, укроп, петрушка, перец, соль.

Мясо надо варить в большой кастрюле долго и на медленном огне, пока оно не начнёт сваливаться с костей. Да, насчёт мяса. Если нет под рукой баранины, сойдёт и говядина (но, опять же, как вы понимаете, на кости – для навара). На худой конец, бешбармак варят даже из гуся!

Я много лет жил на севере, в Эвенкии, и у нас была проблема с названными видами мяса. Но вполне сходил и оленина. Во всяком случае, я готовил бешбармак из мяса ДСО (дикого северного оленя).

Поскольку оленина в моём холодильнике не переводилась, то бешбармак у меня дома был практически дежурным блюдом. И когда я доводил его до ума, собаки на улице сходили с ума – запахи через форточку обволакивали полпосёлка. Думаю, непросто приходилось и соседям.

Но вернёмся к столу.

Пока мясо, тихо побулькивая, доходит до кондиции, раскатаем два-три сочня (лепёшки из теста) практически до толщины газетного листа. И оставим подсыхать. Нарежем полукольцами лук, накромаем зелени.

Готовое мясо вынимаем шумовкой и кладём в большую миску, пусть немного остынет. В это же время добавим огня, лепёшки порвём руками в клочья, как Тузик грелку (ну, кто-то режет его на аккуратные ромбики, я же предпочитаю вот такой первобытный способ), побросаем это дело в кипящую воду и, пару раз мешав шумовкой, снимаем кастрюлю и ставим в сторонку – сочни тонкие и сами дойдут.

Тут же в небольшую кастрюльку (ну, там на литр-полтора) отливаем бульон, бросаем в него наструганный лук, солим, перчим – это и есть наш туздук – рассол, – и ставим на освободившуюся конфорку, пусть потомится до начала кипения. Остывшее мясо режем на небольшие куски (чтобы помещались целиком в рот) и...

Стоп, стоп! Вот сейчас можно вознаграждать себя за основную часть выполненной работы. Граммов сто под разваренное мясо с лучком и зеленью – в самый раз. Как, хорошо пошло? Да уж, плохого я вам не посоветую!

Кстати, кинем уже кусочек-другой мяска и коту, а то он скоро у нас охрипнет от голодного ора. А теперь поехали дальше.

Берём заранее приготовленное большое металлическое или керамическое блюдо и выкладываем в него выловленные шумовкой из бульона сочни ровным слоем, поверх – мясо,

сколько поместится, но чтобы по краям было видно тесто. И несём бешбармак в гостиную, где уже собрались домашние и гости с урчащими желудками.

Не обращая внимания на их радостные вопли, поливаем мясо сверху туздуком, посыпаем зеленью, ставим также рядом с каждым участником застолья по чашке с горячим бульоном.

И водочки, водочки, конечно! Под это блюдо её можно выпить чёрт знает сколько и при этом практически не запьянеть.

Ну а с другой стороны – если не пьянеть, то зачем зря переводить спиртное? Так что всем – по сто граммов, не более. И приятного аппетита!

Ах, какой мужчина!

Тут у Крышкина жена уехала проведать свою маму на недельку в деревню. Остался Крышкин один. А когда женатый мужчина остается один, его начинают одолевать всякие разные мысли. Крышкин не мог отделаться от одной: «Почему бы мне не навестить нашу одинокую соседку Марью Ивановну? Скучно ей, наверное».

А она, эта Марья Ивановна, ничего себе женщине. Когда, бывало зайдет по соседству – за солью там, хлебушком, так порой взглянет, аж мурашки начинают бегать у Крышкина по всем щекотливым местам. Потом жена не раз говорила, что Марья Ивановна очень хвалит Крышкина. Так и говорит: «Какой замечательный у тебя муж. Не пьет, не гуляет, хозяйственный, симпатичный. Мне бы такого!»

Ну, разве можно мужьям передавать, что о них хорошего говорят соседки и подружки? Ну и значит, решился Крышкин, купил цветов, вина и пошел к Марье Ивановне под благовидным предлогом. Позвонил. Марья Ивановна дверь открыла, стоит перед ним в халатике, переминается с ноги на ногу. То одну коленку, покажет, то другую. У Крышкина аж в горле пересохло.

– Я, это... Хотел время узнать, – пролепетал он.

А Марья Ивановна посмотрела на букет цветов у Крышкина под мышкой, на бутылку вина, которую он держал перед собой как букет (все перепутал в последний момент от волнения), понимающе улыбнулась и нежно проворковала:

– У меня с собой нет часов. Проходите в дом, там посмотрим, сколько сейчас времени.

Вошли. Марья Ивановна забрала у Крышкина бутылку, поставила на стол, букет определила в вазу. Потом вышла из спальни с будильником и говорит:

– Ах, Григорий Федорович! Не скажу я вам, сколько сейчас времени. Будильник у меня сломался.

Крышкин, до этого стоявший с опущенными вдоль туловища руками и не знающий, что ему дальше говорить, как вести себя (ну, между нами, не ходок он был), аж вскинулся весь:

– Это мы мигом! У вас отвертка есть?.. Ладно, я свою принесу!

Убежал домой, принес набор инструментов, раскидал будильник, собрал его, и тот снова пошел.

– Принимайте работу, Марья Ивановна! Вот только надо бы точное время поставить. Включите телевизор, вот-вот новости должны начаться.

Марья Ивановна всплеснула руками:

– Ой, Григорий Федорович, сломался у меня телевизор! Хотела завтра мастера вызвать...

– Зачем нам чужой мастер? – напыжился Крышкин. – Мы сами мастера!

Разобрал он телевизор, собрал его, включил – работает! Включили они с Марьей Ивановой НТВ – как раз ночные новости идут, поставили на будильнике точное время. А Марья Ивановна, уже зевает, прикрыв прелестный рот ладошкой. И вежливо так говорит:

– Чаю не хотите, Григорий Федорович?

– А теперь можно и чаю. Или чего покрепче, – солидно отвечает ей, очень довольный собой, Крышкин. – Вот только руки помою...

И направился в ванную комнату.

– Ай! – спохватилась Марья Ивановна. – Осторожнее, Григорий Федорович. У меня только горячая вода идет, кран с холодной сломался. Давайте я вам лучше из чайника полью!

– Еще чего не хватало! – возмутился Крышкин. – Или я не мужчина? Сейчас починим.

Провозился он с краном долго. Но под утро таки отремонтировал. Кричит из ванной:

– Марья Ивановна, принимайте работу!

А в ответ – тишина. Вышел Крышкин в гостиную, и видит: спит Марья Ивановна на диване. Уютно так свернулась калачиком, кулачок подложила под розовую щеку, и посапывает, улыбаясь во сне.

Вздыхнул Крышкин, на цыпочках вышел из квартиры Марьи Ивановны, и захлопнул за собой дверь.

А Марье Ивановне в это время снилось, что Крышкин ремонтирует ей квартиру.

– Ах, какой мужчина! – томно пролепетала она во сне и перевернулась на другой бочок...

Вундеркинд

Ватрухин сидел, уткнувшись в телевизор. И вдруг кто-то потрогал его за ногу. Перед ним стоял его полугодовалый сынишка, до этого мирно сопящий в своей кроватке.

– Папа! – звонко сказал он. – Дай попить.

Ватрухин на ватных ногах прошёл на кухню, принёс воды. Карапуз с причмокиванием напился.

– Спасибо! – сказал он. – Ну, я пошёл к себе.

Ватрухин бросился за женой на балкон, где она развешивала белье.

– Ольга, там... там... Андрюшка наш!..

Перепуганная Ольга влетела в детскую. Андрюшка сидел на полу и сосредоточенно ощупывал плюшевого медвежонка.

– Мама, он ведь неживой? – спросил Андрюша. – Тогда почему кричит?

Ольга тоже села на пол.

– Да ну что вы, в самом деле, – обиделся Андрюшка. – Надоело мне сиднем сидеть и молчать, всего делов-то!

– С ума сойти! – пролепетала Ольга.

– Феномен. Этот, как его, вундеркинд, – согласился Ватрухин.

Ольга спросила мужа:

– Ну, что будем делать?

– В школу устроим... Которая с уклоном. Может быть, он математик. А ну-ка, Андрюша, сколько будет дважды два?

Сын снисходительно посмотрел на отца:

– Надо полагать – четыре.

– Вот! – обрадовался Ватрухин.

– А может быть, он музыкантом будет, – воспротивилась Ольга

Тут они заспорили, куда лучше пристроить сына. Мальчонка сразу же уяснил: родители собрались лишить его детства. Он нахмурил бровки и решительно объявил:

– Ничего у вас, дорогие мои, не выйдет.

– Это почему же? – в один голос спросили удивленные родители.

– А потому, – буркнул Андрюшка. – Я ещё, между прочим, маленький. Совсем.

Он сел на пол. И под ним тут же образовалась лужица. Мокрый Андрюшка заревел и с этой минуты вновь стал развиваться, как и все обычные дети.

Интервью с долгожителем

Однажды я брал интервью у долгожителя. Вот что из этого получилось.

Я включил диктофон.

– Итак, дедушка, вам на самом деле сто один год?

Дед отрицательно помотал головой.

– Что, больше?

Дед согласно закивал.

– Ну, ничего себе! А на сколько?

Дед показал два пальца.

– Ага! Значит, вам сто три?

Дед согласно закивал.

– А почему вы молчите?

Дед что-то пробубльнул, показывая себе указательным пальцем на рот.

– А, понимаю, зубы! Так у вас еще свои зубы есть?

Дед согласно закивал.

– И что, сильно болят?

Дед отрицательно помотал головой.

– Ага, несильно! Это потому, что вы их полощите, да? Народным средством, да? Которое дошло до нас, так сказать, из глубины веков, да? А, вот оно, вижу! Можно?

Я взял со стола запотевшую бутылку, повертел ее в руках, вынул самодельную бумажную пробку, понюхал.

– Так это же самогон! Да холодный какой. Ледяной просто!

Тут дед сделал глоток и просипел:

– Вот именно! Перехолодил малость.

– В холодильнике? – глупо спросил я (в самом деле, где же еще?)

Дед посмотрел на меня как на дурачка:

– На кой мне зимой холодильник-то? В сенцах у меня колотун знатный, вот он вместо холодильника. Но шибко холодное мне пить нельзя – ангины боюсь, язвы ее. Пришлось вот во рту согреть, а потом уж глотать. Слушай, паря, у тебя закурить нету? А то мне бабка не дает!

– Чего не дает? – переспросил я.

Дед, осторожно забирая из моей руки бутылку и ставя ее на место:

– Чего, чего... И курить не дает! Разведусь с ней, на хрен, женюсь на молодке. Есть тут одна по соседству. Всего шестьдесят пять годков. Хоть куда еще телка. Ну, чего там у тебя еще, спрашивай. А я, пока бабка из погреба вылезет с огурцами, накачу-ка еще по одной. Грех перед обедом не выпить. Будешь?..

Ну, чего оставалось? Выпили мы с дедом, и на прощание я пожелал ему дожить до ста... Фу ты, о чем-то я? До ста пятидесяти, вот!

А недавно узнал: нет, не дожил старичила тот до ста пятидесяти. В сто семь дуба дал. В погреб упал, когда сам за огурцами солеными полез, и шею себе сломал, болезный.

Вот люди бывают, а?

Мать-Моржиха

У меня соседка, баба Таня, самая что ни на есть Мать-моржиха (так её в нашем доме и называют): начинает купаться в реке, когда только льдины сойдут. Или посреди льдин. А как река замерзает, она обливается во дворе водой, стоя на снегу. Прямо под нашими окнами, босиком.

Все, кто смотрит из окон на этот здоровый энтузиазм, мёрзнут в своих квартирах. И сразу бегут на кухню греться – кто крепким горячим чаем, а кто чем покрепче. Благодаря бабе Тане уже пять мужиков из нашего подъезда спились. А ей хоть бы хны. Семьдесят пять уже нашей Матери-моржихе. Но ей никто столько не даёт. Только семьдесят четыре. Такой вот молодухой она после обливания выглядит.

И тут я в нашей местной газете прочитал, что если прислать на фотоконкурс «Чудак-человек» снимок гражданина или гражданки, занимающихся чем-то необычным, можно неплохо заработать. Гонорар за снимок – это раз. А ещё денежный приз в случае победы – два. Ну и с героя или героини снимка потом слупить чего-нибудь можно – три (это я уже сам додумался).

И ещё я догадался, что как раз на нашей бабе Тане и можно заработать. Она самая что ни на есть чудачка. Ну, какой ещё нормальный человек по доброй воле на морозе, босиком будет поливать себя холодной же водой (холодная, холодная – сам как-то потрогал)?

Ввёл бабу Таню в курс дела, она и говорит: ну а что, можно! Сроду, говорит, про меня в газетах не писали. А тут фотография будет! И в Пензу своей сестре можно послать, и в Бобруйск племянникам. И замуж, говорит, может, ещё раз выйду. В пятый. Или шестой. Не помню точно, говорит.

Сказано – сделано. Договорились о фотосессии на завтра. Утром я глянул на градусник за окном – минус тридцать. Во, в самый раз – это ж как красиво баба Таня будет куриться паром на морозе! Одежда потеплее, отыскал фотоаппарат и вышел во двор. А Мать-моржиха уже ждёт меня, полуголая, на свидание. Только не с цветами, а с ведром воды. И на нём уже корочка льда.

– Ну, сколько тебя ждать, паря? – говорит баба Таня. – Снимай давай, а то вода скоро совсем замёрзнет.

Я поймал бабу Таню в кадр, команду:

– Так, ведро сверху. Можно выливать! Готово!

Пар от бабы Тани – как от закипевшего чайника. Самое то должно быть.

– Ну, я пошла, – говорит Мать-моржиха.

А я глянул в камеру – блин, снимок совсем тёмный получился. Оно и понятно, утро же ещё. Надо было со вспышкой.

– Баба Таня, – говорю, дую на замёрзшие пальцы. – А слабо ещё разик? Под вспышку. Так красившее будет.

– Ах ты, соблазнитель! – Погрозила мне баба Таня пальчиком и пошла домой за очередным ведром. Неспешно так пошла, величаво, оставляя в снегу талые следы.

– Баба Таня! – Кричу я. – побыстрее, пожалуйста, холодно же!

Вышла она с новым ведром воды, приняла эффектную позу.

– Ну? – спрашивает.

А я не могу надавить на кнопку – пальцы заоченели.

– Баба Таня, постой минутку, руки отогрею!

– Две минуты, паря, не больше! – Мать-моржиха уже слегка посуровела. – А то я на этот, как его, на фитнес опаздываю...

Я затолкал заочневшие руки себе глубоко под мышки, попрыгал на месте – ноги в ботиночках тоже зазябли. Минут через пять, чувствую, пальцы рук снова стали гнуться.

– Готово! – кричу. – Итак, ведро наверх, баба Таня! И на себя!

Облилась она снова, я клацнул кнопкой, а вспышки нет. Ещё раз – нет! Чёрт, батарейки, видать, подсели на морозе. Что делать? Не бросать же начатое дело на полпути. Тем более видно же, что Мать-моржиха только распалилась от водных процедур, вон какая красная стоит.

– М-мать М-моржи... Т-то есть, б-баба Таня! – сказал я со всей силой убедительности, какую только нашёл в своём насквозь продрогшем организме. – В-вот гадом буду – последний раз, а? Я только сбегая, ба... батарейку заменяю, а? Г-гонорар за фотку п-пополам, так уж и быть, а?

– Точно последний раз? – Заботливо отламывая сосульку с моего носа, спросила Мать-моржиха. – Ну, смотри, паря!

И мы вместе, как голубки, только она – розовая, а я – синий, пошли в свой подъезд: она – за водой, я – за батареейкой. Не скрою, дома я, клацая зубами, сразу кинулся к холодильнику. У меня там давно стояла бутылочка коньяка. Так, на всякий случай. Этот случай был не всякий, и потому я почти без передышки отпил сразу половину.

Чудодейственная влага тут же вернула меня к жизни, и я через две ступеньки поскакал вниз, где меня ждала она, замечательная полуобнажённая женщина. С полным ведром воды. Ну, сейчас-то у нас с ней всё получится!

– Эй, чудило! А фотоаппарат твой где? – ледяным тоном спросила меня Мать-моржиха. Я посмотрел себе на грудь – там ничего не висело. Забыл дома, б-блин!

– Только никуда не уходи, баба Таня! – заорал я благим матом. – Только стой на месте, милая ты моя Моржучка! Я мигом!

Через пять секунд я уже вернулся обратно с фотоаппаратом. Слава Богу, Мать-моржиха была на месте.

– Ну, ведро к голове! – бодро скомандовал я, нацеливая объектив на бабу Таню.

– погоди, – сказала Мать-моржиха. – Дай-ка мне аппарат, паря, я сама гляну, всё ли в порядке. Чтобы наверняка уж.

– погоди, – сказала Мать-моржиха. – Дай-ка мне аппарат, паря, я сама гляну, всё ли в порядке. Чтобы наверняка уж.

Я пожал плечами, но фотоаппарат отдал. Баба Таня повесила его себе на шею, не спеша вернулась к ведру и вдруг схватила его и выплеснула всю воду на меня! Меня сначала обожгла ледяная вода, и почти тут же по глазам резанула ещё и фотовспышка. От неожиданности и возмущения я только хватал ртом воздух, не в силах что-либо вымолвить.

– Вот теперь порядок! – сказала Мать-моржиха, скалясь в очаровательной улыбке. – Забирай свой фотоаппарат и беги домой греться... Пингвин!

...Снимок, который я потом всё же отправил в газету, так и назывался – «Пингвин». И победил на конкурсе.

А во дворе у нас теперь двое чудаков, регулярно обливающихся водой. Это она, Мать-моржиха, ну и я, её выученик – Пингвин...

Бабушки и дедушки

Я и сам уже неоднократный дед, но своих бабушек и дедушку помню. Вот они в гостях у нас в Пятерыжске (скорее всего, в начале 70-х, когда я был в армии) – мамыны родители и отцова мама, слева которая). Дедушку по отцовой линии я и в глаза не видел – он умер очень рано, до моего рождения. А с остальными своими предками, еще дореволюционных годов рождения, успел и повидаться, и пообщаться.

Правда, не так часто, как хотелось бы: мы с 50-х годов жили в Казахстане, а дед и бабушки так и оставались на своей родине, в Татарстане, куда мы изредка ездили в гости, а они к нам – еще реже, потому как дорога дальняя, а они тогда были уже в возрасте.

Фото сделано, скорее всего, в соседнем, через иртышскую паромную переправу, райцентре Иртышке. Из внуков на нем только одна Роза. Ну, про себя я уже сказал, Рината тогда тоже, скорее всего, не было дома – он учился в Павлодаре. Ну а другого моего младшего брата Рашита могли оставить дома на хозяйстве, когда поехали ненадолго в Иртышск: тамошних татарстанских земляков навестить, сфотографироваться...

Какие они были, мои бабушки и дедушки? Обычные крестьяне, трудолюбивые, домовитые, богобоязненные. Главы больших семейств: и у отцовых, и маминих родителей детей (выживших) было не менее чем по пять-шесть. Понятно, что внуков и правнуков у них было много, но и любви, ласки на всех хватало. Правда, не помню, чтобы они сюсюкались с нами, любовь их была скорее строгая, дозированная, не дающая чувствовать, что тебе все дозволено. Так же, кстати, к нам относились и родители. Но это и хорошо, так что выросли мы неизбалованными...

Берегите мужчин

«Заберите меня, а?!»

– Полицию вызывали?

– Да, вызывали, вызывали! Сколько вас можно ждать?

– Так пробки же! Ну, и что у вас тут случилось?

– Заберите вот этого изверга, этого уголовника!

– Это кого?

– Ну вот его же, мужа моего!

– Извините, гражданочка, но я что-то не вижу повода, видимых причин, чтобы забрать этого гражданина. У вас дома тихо, идеальный, порядок, следов дебоша нет. А муж ваш сидит себе, чай пьет.

– Тьфу! Это я не сядь пью, это я рот полощу. Нет усь, заберите меня. Где васи эти, как их, оковы? Заковывайте и забирайте меня!

– Не оковы, а наручники. За что вас забирать-то?

– Так он вам и скажет, зверь! Это я знаю, за что его надо забрать. А ты, животное, не радуйся, мне решать, забирать тебя или нет.

– Все, у меня кончается терпение! Говорите четко, гражданка, за что мне забирать вашего мужа?

– Он руку на меня поднял!

– Где, покажите?

– Что показать?

– Ну, следы подъема его руки на вас?

– Так вы будет меня забирать, товарисс лейтенант, или нет? Я вон узе и узелок собрал. Пойдемте, где вася арестантская масина?

– А ну сидеть! Не слушайте его, товарищ мили... полицейонер! Ишь, обрадовался!

– Так, гражданин, может, вы мне объясните, что у вас тут произошло?

– Да стё – присёл я с работы, а она постелила на пол новый ковер...

– Ну и что?

– А я несянно наступил... туфлём... Совсем на краесек.

– Так, дальше?

– А стё дальсе? Она как даст мне с правой, у меня зуб и вылетел. Она хотела иссе и с левой приложиться. Да я вовремя руку поднял, закрылся. Заберите меня, а? У меня зубёв не так усь и много осталось...

– А, вон оно что! С удовольствием! Берите, ребята этого хулигана. Пусть хоть у нас суток пятнадцать отдохнет...

Семечки

– Ну, что вам, бабуси, делать больше нечего, кроме как семечками здесь сорить да сплетничать? – сердито замечала Юлия Петровна трем закадычным подружкам, когда по утрам проходила мимо них на автобусную остановку.

– Какие мы тебе бабуси? – обижалась Ольга Валерьевна.

– Да и не сорим мы вовсе, – вторила ей Варвара Игнатьевна. – Вон кулечки у всех, туда шелуху сплевываем.

– Шава ты псе бегаишь да бегаишь? – сострадательно спрашивала третья из подружек, Марзия Хасановна. – Садись, кызым, к нам, пагаварим за жизнь!

– Некогда мне! – обрывала их Юлия Петровна и уносилась на остановку. «Ну, о чем можно болтать часами?» – недоуменно думала она, трясясь в маршрутке по дороге на работу в школу.

Но однажды Юлия Петровна оказалась на больничном, а когда ей стало полегче, вышла на улицу подышать свежим воздухом. На лавочке перед подъездом сидела все та же компания.

– Садись, девонька, – доброжелательно похлопала по лавочке рядом с собой Варвара Игнатьевна.

– Да, да, подыши с нами – вон ты какая бледная, – пожалела ее Ольга Валерьевна.

– На, кызым, пащалкай, – протянула сухой кулачок с калеными семечками Марзия Хасановна.

Отказываться было неудобно. Юлия Петровна приняла семечки и уселась рядом с Варварой Игнатьевной.

– Ну, так вот, бабоньки, я и говорю – ходит он теперь к этой, блондинке с третьего этажа, – возобновила прерванный разговор Ольга Валерьевна.

– Ай, сапсем собесть нет! – сплюнула Марзия Хасановна в газетный кулечек.

«Ну вот, в самый разгар рождения сплетни попала!» – с досадой подумала Юлия Петровна и, закинув в рот пару семечек, разгрызла их.

– А кто и к какой, говорите, блондинке ходит? – вдруг услышала она свой заинтересованный голос и от неожиданности поперхнулась шелухой, закашлялась.

– Ну, как же, все об этом знают, – с укором сказала Ольга Валерьевна, смахивая прилипшую к подбородку семечную лузгу. – Совсем ты, соседка, от жизни отстала!

– На третьем этаже, между прочим, я живу, – прокашлявшись, сказала Юлия Петровна. – И никакой блондинки там не знаю. Кроме разве что меня самой.

Ее соседки визгливо засмеялись.

– К тебе, Юленька, Шалва не пойдет, – снисходительно пояснила Варвара Петровна. – Твой поезд ушел, как и наш. Ему только молодых подавай.

– А кто он, этот Шалва-то? – чувствуя охватившее ее любопытство, нетерпеливо спросила Юлия Петровна, забрасывая в рот очередную щепотку семечек.

– Сапсем прапаций баба! – осуждающе покачала головой Марзия Хасановна. – Даже кто такой Шалва не знает...

– Это же наш местный олигархик! – сказала Ольга Валерьевна. – У него чебуречная. А живет он в первом подъезде. Холостой. Но каждый месяц женится на новой блондинке. Вот сейчас обхаживает Маргаритку из двадцать третьей.

– Ох, бабоньки, а что у нас в школе делается! – вдруг азартно сказала Юлия Петровна, возбужденно хрустя семечками. – К нам молодой биолог поступил на работу. Совсем еще мальчик, только после института. Так его директриса, эта змея подколодная, тут же в оборот взяла.

– Надо же! – всплеснула руками Ольга Валерьевна. – У нее такие новости в школе, а она ходит тут, святошу из себя строит. Ну, рассказывай!

– В подробностях! – потребовала Варвара Игнатьевна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.